

ТЭССА *Рэй*

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ  
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

*Друг*  
**МОЕГО БОССА**  
**ЭТО ЗАЛЕТ, СИБИРЯК!**

# Тэсса Рэй

## Друг босса. Это залёт, сибиряк!

<https://litres.ru/74418709>

SelfPub; 2026

### Аннотация

– Хочешь, чтобы я подписал эти бумаги? – спросил он, подаваясь вперед и опираясь локтями о стол. Он осмотрел меня. Медленно. Снизу вверх. С явным интересом, от которого у меня мурашки побежали по спине.

Я вспомнила, как он смотрел на меня в самолёте, его жаркие руки, его дыхание на моей шее, его голос, шёпотом просивший меня не останавливаться.

Он помнил. Черт, он помнил всё до мельчайших деталей, и эта ухмылка на его лице говорила об этом яснее любых слов.

– Я сделаю это, – сказал он, с ленивой, опасной ноткой, которая свела меня с ума сорок тысяч футов над землей. – Но только при одном условии.

Он помолчал, глядя мне прямо в глаза. Я задержала дыхание, надеясь, что он видел сейчас во мне не просто городскую, зазнавшуюся карьеристку.

– Если ты проведешь это лето здесь. В Сибири.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| 1                                 | 4  |
| 2                                 | 9  |
| 3                                 | 15 |
| 4                                 | 21 |
| 5                                 | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 29 |

# Тэсса Рэй

## Друг босса. Это залёт, сибиряк!

### 1

– К. Х. Дрогов. – Я произнесла вслух это сочетание букв, и где-то в чертогах памяти что-то щелкнуло. – Серьёзно?

Твою ж дичь! «Кхал Дрого» из «Игры престолов», который ездил на коне и резал всех мечом, а я должна лететь в это забытое богами Усть-Таёжное, чтобы этот сибирский вариант кхала поставил подпись о продаже леса.

Какого леса, прости господи?

Я вздохнула, сняла очки – массивные, в черной оправе, которые я купила специально, чтобы выглядеть на переговорах как стерва, которую не проймешь ни ультиматумом, ни дурацкой просьбой.

В них я похожа то ли на секретаршу из девяностых, то ли на ту самую суку, которая продаст вам гнилые доски по цене золота. Но сейчас мне плевать.

И почему так, мать вашу, душно?!

Справа от меня сидел мужчина. Потный. Не просто вспотевший, а прям сочащийся влагой из каждой клетки. Его

лоснящаяся лысина блестела под лампами самолета, и я чувствовала запах – смесь дешевого одеколona и пота.

Я демонстративно отвернулась к иллюминатору, но там только серое небо и полоса взлетки.

Ну что, ты там соскучилась, Сибирь? Я, честно скажу, вообще ни разу! Думала, что распрощалась с тобой в шестнадцать лет, когда с перепуганными глазами тащила схваченные в охапку вещи, чтобы уехать из этой дыры в Новосибирск, потом в Москву, вытащить родителей из этого забытого богом уголка, дать им нормальную жизнь.

И вот, пожалуйста. Судьба решила пошутить. «Грандстрой Сибирь» вдруг взбрело в голову, что именно я должна уговорить партнера фирмы, отошедшего от дел, подписать крупную сделку. А еще он, как выяснилось, друг детства моего босса с именем, как у варвара из сериала.

Я достала телефон. Поймала момент, когда самолет уже отъехал от телетрапа, но еще не вырулил на полосу. Набрала номер.

– Да, босс, – сказала я максимально деловым тоном, игнорируя тот факт, что мой голос чуть подрагивает от духоты. – Я в самолете. Скоро вылетаем. Как сяду, я вам наберу. Гостиницу забронировала. На двое суток. Не думаю, что мне больше понадобится.

– Учти, моя дорогая Алла, – Роман Андреевич говорил со мной, как отец, который предупреждает дочку о злом волке. – Дрогов бывает очень упертым. В прямом смысле.

Я мысленно закатила глаза.

– Роман Андреевич, – произнесла я с легкой улыбкой, которую он, конечно, не видит, но она слышна в интонации. – Я знаю свою работу лучше всех. С каких пор я не справлялась? Все будет сделано в лучшем виде.

– Надеюсь, Алла. Надеюсь. Он ценит уважение. Не дави на него, он этого не любит.

– Да я и не собираюсь давить, – ответила я, чувствуя, что воздух в салоне становится совсем спертым. – Но и застревать в этой дыре не собираюсь.

Босс одобрительно хмыкнул и попрощался.

Я убрала трубку и снова посмотрела на листок бумаги, который держала в руках.

«К.Х. Дрогов. Усть-Таёжный».

Ну хоть драккаров мне не обещали, и то хорошо. Хотя, судя по тому, что я знаю о сибирском лесном бизнесе, тут такие «дотракийцы» заправляют, что драконы отдыхают. У них вместо пламени – бензопилы, а вместо криков – треск падающих сосен.

Самолет начал разбег. Я чувствовала, как нарастает вибрация. Мой желудок сжался. Предчувствие какое-то... нехорошее.

Я откинулась в кресле, пытаюсь расслабиться. Жарко. Невыносимо жарко. Мой сосед начал активно обмахивать лицо какой-то газетой, и волны его пота, смешавшись с кондиционированным воздухом, ударили мне в нос с новой си-

лой.

Вот же гадство!

Сидела бы сейчас в своем уютном кабинете в центре Москвы, пила латте с кокосовым молоком и листала экономические сводки, а не летела в глушь. Но нет, начальство решило, что лучший претендент на этот полет – это я.

«Алла, ты молодец, Алла, у тебя хватка, Денисова, ты любого уговоришь».

Ну да, уговорю. Я тебя уговорю, Роман Андреич, следующий раз сам полетишь!

Мне стало совсем плохо. Жара, вонь, шум двигателей – все смешалось.

Пространство вокруг начало плыть.

Краем глаза заметила, что потный мужик повернулся ко мне и что-то говорил, его губы шевелились, но звук доходил с задержкой.

Я хотела ответить, сказать ему, чтобы отодвинулся, чтобы дал мне воздуха, но язык не слушался.

В последней вспышке сознания я подумала: «Вот черт. Если я сейчас вырублюсь, этот потный идиот будет меня лапать или вызовет стюардессу? Надеюсь, второе...»

Эта мысль показалась мне до крайности смешной, я попыталась хихикнуть, но издала лишь сиплый звук.

Голова запрокинулась назад. Свет в салоне стал ослепительно-белым, а потом погас вовсе.

Я провалилась в темноту с одной единственной мыслью:

«Следующий раз, когда босс пошлет меня на переговоры с сибирскими деревенщинами, я попрошу надбавку за вредность. И за дотракийцев».



Я пришла в себя от легкого прикосновения к плечу.

Открыла глаза и сначала не поняла, где я. Широкое кожаное кресло с откинутой спинкой, а рядом – стюардесса протягивала стакан воды.

– Вы потеряли сознание, – сказала она с профессиональной улыбкой. – Вас пересадили сюда. Как вы себя чувствуете?

– Как будто меня переехал грузовик с потными мужиками, – ответила я хрипло и сделала глоток.

Вода была прохладной, и это вернуло меня к жизни.

А потом я подняла глаза и увидела ЕГО.

Мужчина сидел рядом и смотрел на меня с едва заметной усмешкой.

Красивый. Нет, это слово было слишком слабым. Красивый, как чертов Аквамен из фильма, но если Аквамен внезапно стал бы миллиардером.

У него была аккуратная борода, темные волосы собраны назад в небрежный мужской пучок – модно, стильно, но без карикатурности.

Костюм сидел на нем так, словно его сшили, чтобы завоевывать этот мир. (Не только подводный!) Галстук ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстегнута, но это выглядело не как неряшливость, а как осознанная небрежность человека,

которому плевать на правила.

Я перевела взгляд на его запястье. Часы. Я в них разбираюсь. Это не просто дорого, это неприлично дорого.

Вдруг я поняла, что произошла катастрофа. Я сидела рядом с этим мужчиной с расстегнутыми верхними пуговицами блузки.

Когда мне стало душно в экономе, я, видимо, механически, в полуобморочном состоянии, расстегнула их, чтобы выпустить хоть немного воздуха. И теперь мое декольте было открыто, а этот Аквамен-миллиардер то и дело бросал на него взгляды.

Взгляды, которые задерживались ровно на секунду дольше, чем позволяли приличия.

– Вам уже лучше? – спросил он голосом, который звучал как чистый секс.

– Если «лучше» означает «я только что обнажила незнакомцу душу», то да, я в полном порядке, – ответила я, садясь прямее и неспешно застегивая пуговицы.

Но сделала я это нарочито медленно, чтобы он успел еще раз посмотреть. Зачем? Сама не знаю. Месть, наверное. Или просто характер.

Он рассмеялся. Смех был глубокий, искренний, не наигранный.

– Не стану лукавить, у вас красивая “душа”. Я впечатлен.

– Это комплимент? – уточнила я с легкой иронией.

– Это факт, – поправил он с улыбкой. – И вот вам еще

один – этот вид будет преследовать меня еще пару ночей.

– Одиноких, я надеюсь? – спросила я и поймала его взгляд.

– Кого одиноких?

– Ночей.

Я обычно не краснею и редко смущаюсь, но этот случай стал исключением. И угораздило же меня спросить!

Воздух между нами буквально заискрился. Это было физическое ощущение – как статическое электричество перед грозой, когда волосы встают дыбом, а кожу покалывает.

Он сидел рядом, расслабленный, уверенный, и смотрел на меня так, будто видел насквозь. Будто уже знал, чем все закончится.

Красавчик не сразу ответил. Посмотрел на меня, что-то мысленно взвесил, словно прикидывал, стоит ли говорить правду или лучше соврать.

А потом медленно, очень медленно мазнул по мне взглядом. Сверху вниз. От лица к шее, от шеи к декольте, от декольте к ногам. И обратно. Это был взгляд, за который в нормальной жизни можно было смело дать пощечину. Но не этому мужику. Точно не этому!

В этом взгляде не было похотливости – там была оценка. Спокойная, холодная оценка самца, который знает себе цену и проверяет, достойна ли самка его внимания.

– Одиноких, – ответил он наконец.

Я выдохнула, сама не заметив, что задержала дыхание. И

тут же мысленно поблагодарила вселенную за этот дурацкий обморок.

Потому что если бы я осталась в экономе, рядом с тем потным мужиком, который дышал мне в ухо и пах как хоккейная раздевалка, я бы сейчас сидела и мечтала только об одном – чтобы этот полет поскорее закончился.

А вместо этого я сидела в мягком кресле, пила воду с лимоном и смотрела на мужчину, от которого у меня мурашки бежали по спине.

Кардинально разные соседи!

Иногда обморок – это лучшее, что может случиться с карьеристкой.

– А вы? – спросил он и посмотрел на мою правую руку, туда, где могло бы быть кольцо. Его не было.

Потом мы поболтали. Ни о чем. Но беседа была приятной. Как и все, что было связано с этим человеком. А еще мы выпили. Оба.

В конце концов, он бросил взгляд на свои часы – те самые, неприлично дорогие – и сказал:

– До снижения у нас еще минут сорок.

Я выгнула бровь, надевая на лицо строгое выражение, которое обычно приберегала для особо наглых клиентов.

– Вы на что намекаете?

Он улыбнулся. Улыбка у него была опасная, чуть хищная, но не отталкивающая.

– Ни на что не намекаю. Я просто констатирую факт. У

нас есть сорок минут. В самолете, в бизнес-классе, где никто не обращает на нас внимания. Я предлагаю провести их с пользой, но выбор, конечно, за вами.

Я смотрела на него и понимала, что мы оба – взрослые, самодостаточные люди. У него явно свой бизнес, судя по часам и костюму. У меня своя карьера, квартира в центре и достаточно амбиций, чтобы не тратить время на пустые игры.

Мы оба смотрели друг на друга как на кусок мяса – и это было честно. Без романтики, без обещаний, без иллюзий. Просто два взрослых человека, которые встретились в самолете и поняли, что хотят друг друга.

– Вы всегда так прямолинейны? – спросила я, делая глоток воды, чтобы скрыть, как дрожит голос.

– Только когда понимаю, что терять нечего, – ответил он. – А вы? Всегда так строги с незнакомцами, которые предлагают вам секс в самолете?

– Я всегда строга, – ответила я, скользнув по нему оценивающим взглядом в ответ. – Но иногда делаю исключения.

Он снова улыбнулся, и я поняла, что пропала. Потому что эта улыбка... В ней было что-то такое, отчего я забыла, как меня зовут и куда я лечу.

– Тогда, может быть, обсудим детали? – спросил он чуть интимнее.

Я поставила стакан на столик и посмотрела ему прямо в глаза.

– Детали простые. Никаких имен, никаких обязательств,

никаких сожалений. Мы взрослые люди, и мы понимаем, что это просто... разрядка. Стресс, полет, выпивка – назовите как хотите.

– Звучит как контракт, – усмехнулся он.

– Я юрист, – ответила я. – Я иначе не умею.

Он рассмеялся, и я поняла, что хочу его. Не просто хочу – мне нужно, чтобы он прикоснулся ко мне. Чтобы я почувствовала себя живой после этого дурацкого дня, после обморока, после унижительной командировки в Усть-Таёжную.

Я допила воду и отстегнула ремень. Он сделал то же самое, и мы оба поднялись одновременно, как будто это было заранее отрепетировано.

– Вы первый, – сказала я, кивнув в сторону туалета.

– Леди вперед, – ответил он, пропуская меня.

И я пошла. Потому что когда судьба подкидывает тебе красивого, богатого, остроумного мужчину в самолете и когда между вами искрит так, что мама не горюй – глупо это упускать.

– Черт!

– Черт! – выдохнули мы одновременно, уставившись вниз.

Я смотрела на порванный презерватив, и боялась моргнуть.

Только что было горячо, безумно, так, что я кусала его плечо, чтобы не закричать на весь бизнес-класс, и вдруг – это...

Мы замерли на несколько секунд, глядя друг на друга. Я все еще сидела на раковине, он стоял передо мной, тяжело дыша, и в его глазах мелькнуло что-то, чему я не хотела давать названия.

Я первая пришла в себя, потому что иначе я бы просто застыла истуканом, а я так не умею.

– Ты хотя бы чист? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Я да, – ответил он, поправляя брюки. – А ты?

– Я слежу за своим здоровьем, – отрезала я, может быть, резче, чем стоило.

Дальше повисла тишина. Она была офигеть какой неловкой, совершенно не такой, как та электрическая искра, что витала между нами всего несколько минут назад.

Он отвернулся, чтобы вытереть себя, а я сползла с раковины и начала собирать себя в кучу. Блузка мятая, юбка сби-

лась набок, волосы – боже, как я выгляжу!

Я привела себя в порядок механически, на автопилоте: поправила одежду, пригладила волосы и очки.

Вышла первой, даже не обернувшись. И тут же нос к носу столкнулась со стюардессой.

Она стояла прямо у двери туалета с профессиональной улыбкой на лице, но я видела, что глаза выдают ее. Она все поняла. Конечно, поняла.

Мы пробыли там достаточно долго, и звуки, которые мы издавали, наверное, слышали даже в хвосте самолета.

– Вам принести что-нибудь?

– Да, – выпалила я. – Что-нибудь покрепче. Двойную порцию.

Она кивнула и удалилась, а я рухнула в свое кресло, вцепившись пальцами в подлокотники. Сердце колотилось так, что я слышала его в ушах.

Я злилась. Сама не понимала на что – на него, на себя, на эту idiotскую ситуацию, на то, что не смогла удержать лицо.

Незнакомец вернулся через минуту, не больше. Он сел в свое кресло и некоторое время молча смотрел в иллюминатор. Я краем глаза видела, как ходили его скулы – он крепко сжимал челюсти, и венка на его виске билась, пульсировала, выдавая напряжение.

Меня накрыло воспоминанием.

Я вспомнила, как несколько минут назад, в этом безумном угаре, когда его тело прижимало меня к стене, когда его



дыхание обжигало мою шею, я смотрела на эту венку.

Она билась так отчаянно, так сильно, что мне захотелось поцеловать ее. Провести языком по этому месту, почувствовать его пульс на своих губах. И я сделала это. Я помню, как он замер, как выдохнул сквозь зубы что-то непристойное, как его руки сжали мои бедра с такой силой, что наверняка будут синяки.

Такого горячего секса у меня не было никогда!

Этот мужик был не просто красив – он был находкой. Идиотской, случайной, самолетной находкой, которую я никогда больше не увижу, и от этого хотелось выть.

И почему это меня злило? Почему вместо того, чтобы наслаждаться воспоминанием, я сидела и сверлила взглядом столик перед собой, сжимая стакан с виски, который принесла стюардесса?

Потому что я не люблю терять контроль. Потому что я привыкла все просчитывать, держать удар, быть на шаг впереди. А сейчас я сидела в самолете, летящем в чертову глушь, с его головастиками в организме и с воспоминанием о сексе, от которого у меня до сих пор ноги ватные. И я не знала, что делать с этой злостью.

Я сделала большой глоток виски, обжигая горло, и покосилась на него. Его руки лежали на подлокотниках, он сжимал их в кулаки, а потом разжимал. Снова и снова. Как будто считал про себя, чтобы не сорваться.

– Это было... – начал он, не поворачивая головы.

– Не надо, – перебила я. – Не надо ничего говорить. Это был просто секс. Случайность. После посадки мы выходим и забываем, что вообще встретились.

– Как скажешь, – ответил он ровно.

Мы замолчали. Самолет начал снижение, и в динамике объявили, что через двадцать минут мы приземлимся в пункте назначения.

Я допила виски одним глотком, поставила стакан на столик и закрыла глаза. В голове крутилось только одно: «Черт. Черт. Черт».

Он попытался заговорить снова:

– Слушай, может быть, нам стоит обменяться номерами? Не хочу, чтобы ты чувствовала себя неловко из-за...

– Стоп, – оборвала я его, поворачиваясь всем корпусом. Во мне что-то щелкнуло, словно предохранитель слетел. – Стоп, стоп, стоп. Ты сейчас серьезно? Хочешь поговорить о неловкости? Давай я тебе расскажу, что такое неловкость. Неловкость – это когда ты, женщина на высокой должности, впихиваешь в два раза больше любого мужика, потому что тебе нужно доказывать, что ты вообще имеешь право сидеть в этом кресле. Неловкость – это когда твой босс, инфантильный чудака, который попал на пост по знакомству, отправляет тебя за тридевять земель улаживать его дерьмо. И знаешь, с кем я должна встретиться? С каким-то тупым деревенщиной, с дотракийском имечком, господи прости! И я должна лететь, улыбаться, трясти перед ним документами, чтобы он

соизволил поставить подпись, потому что наш дорогой начальник проебал переговоры и теперь я должна разгребать.

Я перевела дыхание и поняла, что меня несет уже не остановить.

– И знаешь, что самое прекрасное? – продолжила я, чувствуя, как дрожит голос. – Мне сейчас только залёта не хватало! Ты хоть понимаешь? У меня, кажется, овуляция сегодня, я же говорила – я слежу за здоровьем, я знаю свой цикл, черт возьми! И вот пожалуйста – порванный презерватив в самолете с незнакомым мужиком. Сказочно, просто сказочно! Я сейчас выйду, поселюсь в гостинице, позвоню боссу и буду молиться всем богам, чтобы через три недели тест не показал две полоски. Потому что если это случится, я, наверное, прыгну с первого же моста!

Я замолчала, тяжело дыша, и уставилась на его обалдевшую физиономию.

Незнакомец молчал несколько секунд. А потом переспросил:

– Дотракийское имя?

Я фыркнула.

– Серьезно? Это – все, что ты услышал?!

– Но ты сказала... Дотракийское имя, – медленно произнес он, и в его голосе появилось что-то новое.

Он смотрел на меня странно. Не так, как раньше – не как на кусок мяса, не как на случайную партнершу по самолетному сексу. Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то,

что перевернуло его картину мира.

– Что? – спросила я резко. – Чего ты так смотришь?

Он открыл рот, явно собираясь что-то сказать, но я остановила его жестом.

– А, хотя, пофиг! Мы уже все обсудили, – сказала я твердо. – У нас был уговор: никаких имен, никаких обязательств. Мы взрослые люди, это был просто секс в туалете. Все. Конец. Выходим и забываем.

Он закрыл рот. Кивнул. Я видела, что он хотел сказать еще что-то, но сдержался. Принял мои правила игры.

В конце концов, он сам сказал, что мы взрослые самодостаточные люди. Вот и пусть доказывает это делом.

Самолет коснулся полосы мягко, почти незаметно. Пока мы рулили к терминалу, я сидела, глядя прямо перед собой, сжимая в руках сумочку.

Никаких прощальных взглядов, никаких «было приятно познакомиться». Я встала, едва загорелась табличка об отключении ремней, и пошла к выходу, не оборачиваясь.

Шла быстро, почти бежала, лавируя между пассажирами из эконома, которые уже толпились в проходе. Мне нужно было оказаться как можно дальше от этого самолета, от этого мужчины, от этой ситуации.

И только когда я вышла в стеклянный рукав аэропорта, я позволила себе выдохнуть.

Я сбежала. Я сделала это красиво, гордо, с шипами и колючками, как и положено женщине, которая не показывает слабость. Но внутри что-то ныло. Что-то маленькое, глупое, женское – то, что обычно просыпается в самый неподходящий момент.

Мне хотелось, чтобы он догнал меня. Чтобы взял за руку, развернул и сказал: «Подожди, давай хотя бы номером обменяемся». Чтобы я могла сделать вид, что колеблюсь, а потом согласиться. Просто чтобы почувствовать, что я не одна в этом чужом городе, куда меня закинула дурацкая работа.

Но я же сама установила правила. Я же первая закрыла

эту дверь.

– Идиотка, – прошептала я себе под нос, шагая к выходу в город. – Вечно ты со своими шипами!

\*\*\*

Гостиница оказалась той еще дырой. Обои в цветочек, которые помнили, наверное, еще горбачевскую перестройку, на ковер с потертым ворсом и на телевизор с кинескопом.

Запах старой мебели бил в нос, смешиваясь с ароматом хлорки – видимо, уборщица старалась, как могла.

Я бросила сумку на кровать и, достав телефон, набрала босса.

– Я на месте, – сказала я сухо, когда он ответил после третьего гудка. – Завтра поеду на встречу. Заселилась, все нормально.

– Отлично, Аллочка, – прощебетал он. – Ты там это, постарайся. Контракт очень важен для компании.

– Я помню, – ответила я и сбросила звонок, не дожидаясь его обычных причитаний про «мы в тебя верим».

Разделась, даже не глядя в сторону душа – сил не было. Рухнула на кровать, которая пахла чужими людьми и чужими жизнями, и отключилась, едва голова коснулась подушки. Сон пришел мгновенно, глубокий и без сновидений, как провал в черную яму.

Утром собралась за полчаса – минимум косметики, строгий костюм, уложила волосы утюжком (за что люблю каре). Туфли на высоком каблуке цокали по плитке холла, когда я

выходила на улицу.

Арендованная машина ждала на парковке – старенькая, вся в царапинах и с следами грязи на колесах. Я заказала самую нормальную тачку, которую могли предложить в этом захолустье, и получила вот это.

Механика. Я не водила машину с ручной коробкой лет десять, с тех пор как пересела на автоматическую в Москве.

Я села, выдохнула, включила зажигание. Двигатель чихнул и завелся. Первые минуты были адскими – я дергалась, глохла на ровном месте, сжимала руль так, что заболели руки.

Навигатор, воткнутый в держатель на лобовом стекле, показывал какую-то ерунду, постоянно перестраивал маршрут и вводил меня то в поле, то в тупик, где дорога заканчивалась просто грязью.

– Долбанная жопа мира! – Я ругалась, переключала передачи с лязгом и молилась, чтобы не встретить по пути пост ГАИ.

Но потом дорога выровнялась, и я выехала на трассу вдоль реки. За окном поплыли березы, сосны, бескрайние поля, а сама река – широкая, серая, с сильным течением – блестела под солнцем. Красиво. Дико.

Я опустила стекло, и в салон ворвался воздух – свежий, пахнувший травой, водой и лесом.

Вдохнула глубоко, и вдруг меня накрыло воспоминанием – как в детстве я бегала босиком по траве, как пахло сеном

и коровами, как я ловила кузнечиков в банку.

Я тут же мысленно надавала себе пощечин.

Алла, ты городская! Ты любишь латте на кокосовом молоке и салат с киноа, ты ненавидишь комаров и деревенские сортиры. Ты не какая-нибудь деревенщина, которая будет ностальгировать по полям и коровам. Соберись, тряпка!

Я подняла стекло, включила кондиционер и сосредоточилась на дороге.

Адрес, который дал босс, привел меня к воротам, больше похожим на вход в заброшенную базу отдыха.

Остановилась, вышла из машины и огляделась. Сибирская ферма. Дом стоял прямо у подножия леса, рядом с рекой, которая здесь делала крутой изгиб. Красиво.

Я в своих туфлях на высоком каблуке ступала по гравию, стараясь не свернуть лодыжку. Подошла к калитке, окликнула:

– Хозяева! Есть кто?

Тишина.

Я толкнула калитку – она не была заперта – и вошла внутрь.

На меня бросились две собаки. Крупные, лохматые, – то ли лайки, то ли хаски.

Я замерла, приготовившись к самому худшему, но они не рычали. Они обнюхали меня с ног до головы, ткнулись мокрыми носами в ладони и принялись облизывать пальцы.

Охранники мечты, твою мать. (Сарказм)



– Дрогов? – крикнула я в сторону дома. – Кирилл Харитонович?

Я сделала шаг вперед и обогнула угол сарая.

Там, в загоне, стояла лошадь – крупная, гнедая, с блестящей шерстью. А рядом с ней, спиной ко мне, стоял мужчина в клетчатой рубашке и бейсболке.

Он чистил лошадь, проводя щеткой по ее боку широкими, уверенными движениями. Услышав мой голос, он замер на секунду, а потом медленно обернулся.

И тут, конечно, я офигела.

Это был он! Мой незнакомец из самолета. Тот самый Аквамен, с которым я занималась сексом в туалете бизнес-класса. Тот самый, чью венку на виске я целовала...

– Вот, блядь!

Он смотрел на меня с такой спокойной, легкой улыбкой, будто ждал этой встречи.

– Привет, – сказал он, и в его голосе не было удивления.  
– А я думал, ты приедешь завтра.

Я открыла рот, но ни одного связного слова из него не вылетело. Только какое-то мычание и хрип.

– Ты? – выдавила я наконец. – Ты – Дрогов? К. Х.?  
– Вообще-то Кирилл Харитонович, – поправил он, снимая бейсболку и проводя рукой по волосам. – Ты вчера сказала «дотракийское имя». Ну, я тебя и не стал переубеждать. Подумал, что будет весело.

Он улыбнулся, и внутри все перевернулось. От злости, от неловкости, от того, что этот мужик снова смотрит на меня так, будто видит насквозь.

А еще оттого, что у меня нет ни одного аргумента против него сейчас. Только моя злость на весь мир, которую я, конечно же, обернула на него.

– Ты знал, – прошептала я. – Ты знал, что это я.  
– Ага, понял. Я так-то не пещерный человек, сериалы смотрю, – кивнул он с ухмылкой. – Но ты так красиво злилась, что я не стал тебя перебивать.

Мир, что, рушится к чертям?

А он стоял и улыбался своей опасной улыбкой, и я не зна-

ла, хочется мне ударить его или укусить. Или сделать и то, и другое, причем одновременно.

– Проходи, – сказал он, откладывая щетку в сторону и жестом приглашая меня в дом. – Не стоять же нам тут, у конюшни.

Я пошла за ним, стараясь ступать аккуратно, чтобы не зацепить каблуками доски крыльца.

Дом оказался именно таким, каким я себе представляла: деревянные стены, пахнущие смолой, половики на полу, простая мебель без намека на дизайн.

На стене висели старые фотографии в деревянных рамках, на полке – банка с медом и связка сушеных трав. Никакого тебе минимализма, никакой икеевской мебели, никаких айфонов на зарядке.

Поверить не могу! Этот мужчина в деловом костюме, с дорогими часами на руке, который сидел в бизнес-классе и заказывал двойной виски – он живет здесь?

Я оглядывалась и откровенно не понимала. В Москве у таких людей пентхаусы, «Мерседесы» и абонементы в элитные фитнес-клубы. А тут – как в музее деревянного зодчества, только без таблички «экспонат руками не трогать».

– Ты серьезно тут живешь? – спросила я, не скрывая ноток пренебрежения в голосе. – По-настоящему?

«Как можно променять Москву на... на дауншифтинг?» – подумала я, не сразу сообразив, что сказала это вслух.

– На нормальную жизнь, ты хотела сказать? – ответил он

спокойно, усаживаясь за большой деревянный стол. — Присядь. Чай будешь? У меня свой, с мятой и смородиновым листом.

— Я не за чаем приехала, — отрезала я, но всё же села напротив него. Открыла портфель, достала документы. — Давай по делу.

Он хмыкнул. Едва заметно, но я услышала, и он меня задел. Он смотрел на меня, как на нашкодившего котенка, который попал в лужу, а теперь делает вид, что так и было задумано. Это бесило.

Я протянула ему бумаги, он взял их и углубился в чтение. А я сидела напротив и рассматривала его. Проклятая привычка — я всегда анализирую людей, считываю их язык тела, мимику, дыхание. Но сейчас это было не рабочей необходимостью, а чем-то другим. Чем-то, что я гнала от себя.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.